
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

У. Е. Головачёва

РОД И СЛУЖБА: ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ДИНАСТИЙ XVI в.

Формирование аппарата управления Русским государством в XVI в. и персональный состав управленцев нельзя однозначно относить к малоизученным проблемам истории России. Как представляется, более успешным является изучение высших слоев русской управленческой иерархии и, в частности, персонального состава Государева Двора¹. В то же время, меньшее внимание уделяется истории среднего и низшего управленческого звена Русского государства XVI столетия.

Между тем, подобные исследования представляются актуальными в связи с возможностью реконструкции некоего «кадрового», управленческого резерва Московского государства. Обращение к судебной-административной деятельности на местном уровне и персональному составу низших администраторов способствует выявлению закономерностей включения служилых землевладельцев удельных княжеств в административную иерархию единого государства, а также помогает историкам лучше понять, как работала и развивалась управленческая машина Русского государства и какие конкретно люди в зависимости от их происхождения и социального положения могли попасть в эту машину в качестве «винтиков» – управленцев-чиновников – на низшем и среднем уровне.

Подобная историографическая ситуация легко объясняется, исходя из имеющейся источниковой базы. В распоряжении историка, занимающегося изучением высшего управленческого слоя, оказываются документальные памятники, напрямую фиксирующие состав Государева Двора: это, прежде всего, разрядные книги, постоянно составлявшиеся начиная с 1475 г., и Дворовая тетрадь 1550-х гг. Большое значение для изучения управленческой элиты имеют и более поздние источники, такие, как местные дела и родословные книги. Наконец, достаточно сведений о системе центрального управления и персональном составе входивших в нее людей содержится и в летописных сводах XVI–XVII вв.

Несколько сложнее обстоит дело с источниками, аутентичными для изучения персонального состава управленцев на местном уровне. Тенденция к развитию учета служилых землевладельцев, привлекаемых к государевой службе на местном уровне, прослеживается по источникам начиная с Тысячной книги 1550-х гг., однако и ее информационный потен-

циал не стоит переоценивать: очевидно, что в эту «избранную тысячу» служилых землевладельцев, которым были предоставлены поместья в наиболее близких к Москве уездах, попали лишь самые успешные люди, имевшие высокую профессионально-управленческую квалификацию и особые заслуги. Для изучения персонального состава служилых землевладельцев и их административной деятельности в рамках конкретных уездов во второй половине XVI в. могут быть использованы и десятины – поуездные и городовые списки служилых людей, которые начинают составляться в середине XVI в., однако самые ранние дошедшие до нас относятся лишь к 1570-м гг.²

Таким образом, историк, занимающийся изучением управления на местном уровне на протяжении всего XVI столетия, а не только его второй половины, оказывается в условиях отсутствия источников, фиксирующих персональный состав представителей местной администрации на строго ограниченной территории в определенный временной промежуток. В этой связи огромное значение приобретают актовые источники, которые помогают выявить не только персональный состав управленцев местного уровня, но и провести реконструкцию истории конкретных управленческих династий, в частности – имущественной истории рода.

Служебной и имущественной истории одной такой династии землевладельцев Белозерья и хотелось бы посвятить эту статью. Сразу же оговоримся, что некоторые представители этой династии уже привлекали внимание историков³, однако полная реконструкция ее истории не проводилась.

Между 1538 и 1541 гг. судьи писцы Федор Федорович Хидырщиков и Григорий Лукин сын Клементьев, описывавшие Белозерский уезд, разбирали тяжбу по поводу пашни и леса, расположенных около Костинского починка, который находился на границе Арбуженской волости Белозерского уезда и Излюбецкой волости Пошехонского уезда. В силу сложности разбирательства дело было передано на доклад боярину дворецкому Ивану Ивановичу Кубенскому.

Истцом в тяжбе выступали монахи Вороной пустыни, которые в своей челобитной заявили спорную пашню и лес как часть монастырской вотчины. Ответчик – местный землевладелец Третьяк Михайлов сын Гневашев Стогинин – называл спорную пашню и лес «своей помесной землею»⁴, которая «тянет» к его вотчине – Костинскому починку. Особая сложность разбирательства заключалась в том, что тяжба по поводу леса и пашни Костинского починка между истцами разбиралась не в первый раз. Суды между Третьяком Михайловым сыном Гневашевым и монахами Вороной пустыни происходили в 1533 и 1535/1536 гг. В результате первого судебного разбирательства 1533 г. была установлена граница между земельными владениями пустыни и Третьяка Стогинина.

Судьи Левонтий Клементьев сын Данилов и Микифор Иванов сын Лихарев произвели разъезд спорной земли. Однако затем, спустя три года (около 1535/1536 г.), Третьяк Стогинин вновь подал великому князю челобитную на судей, которые, по его мнению, произвели размежевание и выдали разъезжую грамоту, несоответствующую решению суда. В ходе второго разбирательства, которое производили Андрей Мишурин и Казарин Осин, были призваны к суду свидетели разъезда и судные мужи. Они подтвердили факт несоответствия разъезда решению суда. В конечном счете, Третьяк Стогинин дело выиграл, а судей первой тяжбы Левонтия Клементьева сына Данилова и Микифора Иванова сына Лихарева дворецкий Иван Иванович Кубенский, разбиравший дело на докладе, «по слову великого князя» обязал возместить ущерб от их незаконных действий, нанесенный Третьяку Стогину, и передать ему 500 четвертей пшеницы, а также провести верный разъезд.

Однако монастырь не смог смириться с утратой земли и вновь подал жалобу на Третьяка Стогинина около 1538 г. В ходе последнего разбирательства был проведен повальный обыск в рамках двух уездов (Белозерского и Пошехонского), в результате которого было установлено, что спорная земля была вотчиной Стогининых еще со времен отца Третьяка – Михаила Гневаша Микулина сына Стогинина⁵. На докладе дворецкий боярин Иван Иванович Кубенский все-таки не смог вынести окончательное решение в пользу того или иного истца и по приказу великого князя назначил «жеребьевание», которое должны были провести судьи низшей инстанции в присутствии обоих истцов на спорной земле.

«Жеребьевание» было назначено на июнь 1540 г.⁶, но Третьяк Стогинин не смог на него явиться, так как «ехал к Москве с ямскими деньгами что собрал сего лета»⁷ и вместо этого прислал своего человека Кирилку. Судьи решили предоставить ему отсрочку и перенесли жеребьевание на декабрь 1540 г. Однако и в декабре Стогинин не явился к судьям, так как, по словам его людей, занимался на Белоозере доставкой великокняжеских грамот городovým приказчикам.

После этого, примерно в феврале 1541 г. монахи Ворониной пустыни подали челобитную дворецкому Ивану Ивановичу Кубенскому о неявке Третьяка Стогинина на «жеребьевание» и о его «волоките». По указной грамоте недельщики предприняли розыск Третьяка Стогинина, в результате которого выяснилось, что никакого приказа о рассылке великокняжеских грамот на Белоозере ему не отдавалось, а сам Третьяк так и не доехал до Москвы с собранными ямскими деньгами, попросту исчезнув. В конечном итоге, после двух неявок Третьяка на жеребьевание и фактического бегства с собранными налогами, дворецкий Иван Иванович Кубенский в марте 1541 г. присудил спорную пашню и лес монахам Ворониной пустыни.

Во всей этой тяжбе примечательна фигура отца Третьяка – Михаила Гневаша Стогинина, который приобрел спорный Костинский починок, по словам участников обыска, примерно за тридцать лет до тяжб его сына с Ворониной пустынью⁸. Актовые источники позволяют предположить, что отец Третьяка – Михаил Гневаш Микулин сын Стогинин – был судьей на Белоозере в конце XV – начале XVI вв. и владел землей в Белозерском уезде. Сохранились «правые грамоты», выданные им между 1502 и 1506 гг. властям Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей⁹. Есть и одна указная грамота великого князя Василия Ивановича о производстве обыска и суда по земельному делу, адресованная Михаилу Гневашу Микулину сыну Стогинину и относящаяся к 1501 г.¹⁰

Во всех этих тяжбах Михаил Гневаш Стогинин проводил предварительное разбирательство «по слову великого князя». Вероятнее всего, он также участвовал и в судопроизводственной деятельности писцов – в правых грамотах 1503 – 1506 гг. он неоднократно упоминается как товарищ белозерского писца Василия Григорьевича Наумова и постоянно присутствует в качестве судного мужа на его судах¹¹.

Впрочем, столь активная деятельность Михаила Гневаша Микулина сына Стогинина была омрачена и рядом должностных преступлений, за которые, по-видимому, он не понес сколько-нибудь значимых наказаний. В 1502–1504 гг. он по приказу великого князя проводил предварительное разбирательство в ходе трех судов застарелого земельного конфликта между властями Ферапонтова монастыря и крестьянами Волочка Словенского Белозерского уезда.

В первой тяжбе в апреле 1502 г. Михаилом Стогининым было проигнорировано (в процессе доклада Василию Ивановичу Голенину) решение предыдущего суда 1493 г. в пользу крестьян, в результате чего вынесено несправедливое решение. Практически сразу, в августе 1502 г., крестьяне вновь подают «жалобницу» по поводу действий монастырских властей Василию Ивановичу Голенину, в обязанности которого, по приказу великого князя Ивана Васильевича, входило разбирательство земельных тяжб в Белозерском уезде¹².

Василий Иванович Голенин назначает для первичного разбирательства дела опять же Михаила Гневаша Стогинина, который затем передает Голенину дело на доклад и в конечном итоге составляет правую грамоту. Однако, не смотря на то, что Голенин «по слову великого князя» победу в земельном споре присудил крестьянам Волочка Славенского, Михаил Стогинин выдает «правую грамоту» и проводит размежевание в пользу властей Ферапонтова монастыря, то есть, фактически, осуществляет подлог служебных документов¹³.

Этот подлог всплывает при описании Белозерской уезда писцом Ва-

силием Григорьевичем Наумовым в 1504 г., который вновь вынужден разбирать это дело. В конечном итоге крестьяне обвиняют Михаила Гневаша Микулина сына Стогинина в подлоге документов и волоките, а так же сговоре с властями Ферапонтова монастыря. Однако судья Василий Григорьевич Наумов не принимает никакого решения о наказании Михаила Гневаша Стогинина, а спорную землю присуждает великокняжеским крестьянам¹⁴. Косвенно можно предположить, что этот должностной проступок все-таки был наказан, так после 1504 г. Стогинину уже не поручается самостоятельно проводить предварительное разбирательство земельных тяжб. Более мелкий должностной проступок со стороны Михаила Гневаша Стогинина имел место около 1501 г., когда он не отреагировал на челобитие властей Кирилло-Белозерского монастыря по поводу конфликта с крестьянами Усть-Угольской волости и заявил, что «ему на ту землю ехати недосуг за государьскими делами великого князя»¹⁵.

Актовые источники содержат и некоторые данные об имущественном положении Михаила Гневаша Стогинина. К 1500/1501 гг. относится купчая на деревни Гришинскую и Мелинскую в Шубацком стане Белозерского уезда, которые Михаил Стогинин приобрел у Андрея Григорьева сына Степанова¹⁶. Стоит отметить, что послухом при составлении этой купчей был Гридя Нога Федоров сын, который затем, в 1540 г., свидетельствовал в пользу сына Михаила Стогинина – Третьяка в ходе его суда с Ворониной пустынью¹⁷. Все это дает основание предполагать, что вотчина Стогининых исконно располагалась на территории нескольких волостей Белозерского уезда.

Наконец, Михаил Гневаш Стогинин однажды – в 1493 г. – выступал в качестве ответчика в суде между Ферапонтовым монастырем, которому он передал одну свою деревню, и крестьянами Южской волости. Сам Михаил Гневаш на суд явиться не смог, однако его человек – Елисейко Щербина – утверждал, что спорная деревня была передана Ферапонтову монастырю его господами – братьями Михаилом Гневашем и Михаилом Губой Микулиными детьми Стогинина на помин души их отца Микулы Стогинина, а землю купил их дед – Иван Щека¹⁸. Эти показания Елисейки Щербины делают очевидными те мотивы, которыми руководствовался Михаил Гневаш Стогинин, осуществляя подлог документов в деле 1502 г.: род Стогининых был связан имущественными отношениями с Ферапонтовым монастырем, где в молитвах поминались предки Михаила Стогинина.

Отметим, что по актовым источникам проясняется и фигура брата Михаила Гневаша Микулина сына Стогинина – Михаила Губы. Он, так же, как и брат, был судьей на Белоозере и разбирал около 1507 г. тяжбу между Симоновым и Кирилло-Белозерским монастырями¹⁹. Между 1495 и

1511 гг. Михаил Губа осуществил обмен своей деревни в Череповецкой волости на деревню Воскресенского Череповецкого монастыря²⁰, а в 1501/1502 гг. выступал послухом при составлении заемной кабалы, также в Череповецкой волости²¹. Отметим, что в меновой и закладной кабале присутствует один и тот же послух – Василий Алексеев сын Стогинин, который, возможно, тоже относился к роду Стогининых и, может быть, приходился Михаилу Губе и Михаилу Гневашу Микулиным детям Стогинина двоюродным братом.

Наконец, личность Микулы Стогинина, которого Елисейко Щербина называет отцом братьев Микулиных Стогининых, также проявляется легко. Известно, что у князя Михаила Андреевича Белозерского в 1460–1470-х гг. был посельский – Микула Стогинин. В пользу того, что именно этот посельский так же принадлежал к роду Стогининых, помимо общности родового прозвища, свидетельствует так же и грамота с прочетом князя Михаила Андреевича, адресованная Микуле Стогинину в Череповецкую волость²², где позднее владел землей Михаил Губа Микулин сын Стогинин.

Неизвестной фигурой остается лишь Иван Щека, дед Михаила Губы и Михаила Гневаша, хотя и о нем можно сделать некоторые предположения: очевидно, что он так же проживал в Белозерском княжестве и владел там землей и, возможно, служил при дворе белозерских князей в первой половине XV в. Никаких документов, как либо связанных с Иваном Щемой, не сохранилось.

Вернемся в середину XVI столетия. Логично было бы, если после исчезновения Третьяка Михайлова сына Гневашева Стогинина с собранными налогами Гневашевы-Стогинины не должны были более занимать каких-либо административных должностей в связи с преступлениями одного из представителей рода. Однако одна из копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря содержит ряд указных грамот 1566 и 1568 гг. из Поместной избы, адресованных белозерскому губному старосте Якову Михайлову сыну Гневашеву²³. Занимался он и межевой деятельностью – в 1567/1568 гг. им были составлены отдельные книги на бывшее дворцовое село Яргомж, которое было передано Кирилло-Белозерскому монастырю царем Иваном Васильевичем в обмен на монастырское село Кологривово в Кашинском уезде²⁴.

Как представляется, приведенные аргументы не являются достаточным основанием, для того, чтобы считать Якова Михайлова сына Гневашева и Третьяка Михайлова сына Гневашева Стогинина братьями. Дело в том, что в случае с Яковым Михайловым Гневашевым источники крайне редко называют его родовое прозвище по деду – Стогинин. Рискнем, однако, высказать предположение, что утрата этого родового прозвища могла

быть связана с попыткой родственников Третьяка Гневашева Стогинина дистанцироваться от его преступления. В тоже время, даже документы судебного разбирательства 1538 – 1541 гг. Третьяка Михайлова сына Гневашева Стогинина с Ворониной пустынью крайне редко указывают его прозвище по деду. В этом случае возможен вариант, что родовое прозвище – Стогинин, которое первым получил Микула Стогинин в середине XV в., постепенно к середине XVI в. выходит из употребления. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения может являться тот факт, что Яков Михайлов сын Гневашев еще в молодости не считал нужным указывать свое родовое прозвище по деду в документах.

Так, например, около 1547 г. Яков Гневашев произвел запись закладной кабалы своего брата Юрия Михайлова сына Гневашева, который занял 20 рублей у властей Кирилло-Белозерского монастыря под залог «Чакина наволока села Третьякова на Шексне»²⁵. В этой кабальной записи, помимо отсутствия указания на родовое прозвище по деду Юрия и Якова Михайловых детей Гневашевых, интересно и обозначение земли, которую Юрий Гневашев закладывает монастырю. Вероятнее всего, обозначение села Третьяково, к которому относится закладываемый луг, в закладной кабале не является просто названием села, а указывает на его предыдущего хозяина – Третьяка Михайлова сына Гневашева Стогинина, владения которого как раз располагались вдоль реки Шексны²⁶. В этом случае связь Третьяка Михайлова сына Гневашева Стогинина и Якова и Юрия Михайловых детей Гневашевых становится очевидной – скорее всего, они приходились друг другу родными братьями.

Таким образом, получается, что должностное преступление одного из представителей рода – казнокрадство Третьяка Михайлова сына Гневашева Стогинина – никоим образом не повлияло на карьеру других представителей рода Гневашевых-Стогининых: младший брат Третьяка Яков сумел занять должность губного старосты, не смотря на должностные преступления старшего.

Однако и карьера Якова Михайлова сына Гневашева была не самой успешной. Как уже упоминалось выше, во второй половине 1560-х гг. он занимает должность губного старосты на Белоозере, однако, уже в 1569 г. часть земель, принадлежащих ему и его племянникам Тимофею и Гордею Юрьевым детям Гневашевым в Городищенской волости Белозерского уезда, была отписана на государя²⁷, который затем в 1577–1578 гг. передал эти земли властям Кирилло-Белозерского монастыря в обмен на ряд монастырских сел, взятых под ямские слободы²⁸. Источники, к сожалению, не содержат информации о причинах отчуждения части владений Якова, Тимофея и Гордея Гневашевых, однако отсутствие упоминаний о них после 1569 г. дает основание предполагать, что причиной потери вотчины Гнева-

шевыми-Стогиниными могло быть включение Белоозера в опричнину, точная дата которого не известна, однако на 1569/1570 гг. приходится процесс массовой приписки белозерских частных вотчин к опричным землям.²⁹

Вероятнее всего, Гневашевы в обмен на свои белозерские владения получили земли в земской части страны около 1569 г., а затем, на рубеже XVI–XVII вв., смогли вернуться обратно в свои родовые белозерские вотчины. Об этом свидетельствует упоминание в межевой выписи 1632 г. о границах владений Кирилло-Белозерского монастыря в Городищенской волости о вотчинах Григория, Андрея, Федора, Ивана Ефремовых детей Гневашевых³⁰. Однако административных назначений на местном уровне после 1570-х гг. род Гневашевых-Стогининых уже не получал.

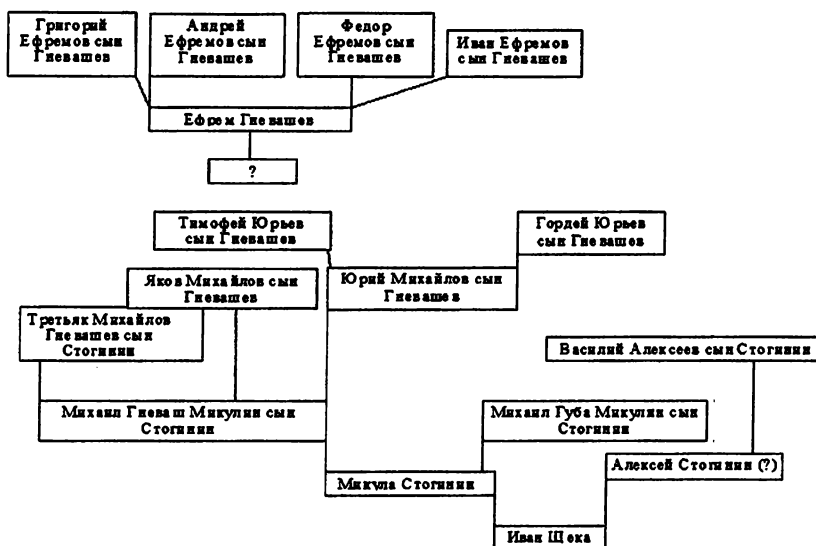

Рис. 2. Генеалогическая схема рода Гневашевых-Стогининых.

Подведем итоги. На основании проведенной реконструкции служебной и имущественной истории рода Гневашевых-Стогининых, можно предположить следующие закономерности формирования административной системы на местном уровне. Как правило, для управления и судопроизводства на местном уровне чаще всего привлекались представители незнатных землевладельческих родов. Определенной предпосылкой для включения в служилую иерархию является служба предков при дворе удельных князей. Как правило, служилые землевладельцы низшего управленческого звена получают назначения в те уезды, где находятся их

родовые вотчины, что в некоторых случаях может создавать предпосылки для служебных злоупотреблений. Наконец, в большинстве случаев, поступление на административную службу одного из представителей рода ведет к включению в управленческую систему всех остальных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.

² *Сторожев В. Н.* Десятни XVI века // Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. Отдел III. С. II.

³ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI веков. М.-Л., 1951. С. 180; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, фамилии и прозвища. М., 1974. С. 80, 300.

⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 4–7.

⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 8.

⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 9.

⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 7.

⁹ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 336–338.

¹⁰ АСЭИ. Т. 2. № 305.

¹¹ АФЗХ. Т. 1. М., 1951. № 306, 309; АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 628; АСЭИ. Т. 2. № 309, 310; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 223, 224, 478.

¹² *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 75.

¹³ АСЭИ. Т. 2. № 336–337.

¹⁴ АСЭИ. Т. 2. № 338.

¹⁵ АСЭИ. Т. 2. № 310.

¹⁶ АСЭИ. Т. 2. № 303.

¹⁷ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 1.

¹⁸ АСЭИ. Т. 2. № 333.

¹⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 3.

²⁰ АФЗХ. Т. 1. № 288.

²¹ АФЗХ. Т. 1. № 304.

²² АСЭИ. Т. 2. № 186.

²³ ОР РНБ. Ф. 573. А I/16. Л. 556–558 об., 558 об. – 560, 865–866 об.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 573. А I/16. Л. 571–572.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 573. А I/16. Л. 1118–1119 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 779. Л. 3.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 573. А I/16. Л. 679–679 об.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 573. А I/16. Л. 679 об. – 681 об.

²⁹ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 174.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 573. А I/16. Л. 838–838 об.